

С. 2.

## Журнальные замѣтки.

*Миръ Божій, Вѣстникъ всемірной исторіи*, октябрь.

Литературная физиономія г. Потапенка давно выяснилась. Берясь за новое произведение, подписанное его именемъ, не ждешь, чтобы оно дало что-либо живо захватывающее васъ, чтобы оно взволновало васъ яркой жизненностью постановки насущныхъ вопросовъ, чтобы неожиданно освѣтило знакомые предметы и этины показало въ нихъ незнакомыя еще стороны. Все это дано только очень крупнымъ дарованіямъ, къ числу которыхъ давно уже не причисляютъ г. Потапенка. И тѣмъ не менѣе его романы читаются всегда съ немалымъ интересомъ. Есть въ нихъ кое-что, искупающее недостатокъ яркости въ творчествѣ, растянutosть и однообразіе манеры длинныхъ, длинныхъ разговоровъ. Эти качества, дающія читателю возможность терпѣливо преодолевать торопливое творчество г. Потапенко,—известное бодрое настроеніе, здоровое чутье дѣйствительности и присутствіе въ его романахъ известной общественной мысли, обыкновенно не Богъ знаетъ какой крупной, но разработанной не безъ интереса и для большинства читателей не бесполезной.

Новое его произведение „Побѣда“ обращается къ міру нашихъ педагоговъ. Этотъ мірокъ не такъ давно былъ символически представленъ съ худшей его стороны — со стороны заѣвшихъ его формализма, рутинны в нравственной драблоти — знаменитымъ чеховскимъ „Человѣкомъ въ футлярѣ“. Названіе разсказа Чехова стало крылатымъ словцомъ, въ приложеніи къ тому или другому лицу оно вызываетъ совершенно определенное законченное представление. „Человѣкъ въ футлярѣ“—это застывшій въ художественномъ образѣ типъ, возведенный въ „перлъ созданія“.

Но какъ складывается въ жизни этотъ типъ, какимъ образомъ юноша съ университетской скамьи, на которой слышали и говорили столько хорошихъ словъ, превращается, попавъ на педагогическую дорогу, въ „человѣка въ футлярѣ“? Неужели на этой дорогѣ въ копецъ концовъ ни къ чему другому и придти нельзя? Этины вопросы за-

дается въ „Побѣдѣ“ г. Потапенко. Повѣсть его—біографія юноши, который покотился было по наклонной плоскости къ превращенію въ „человѣка въ футлярѣ“.

Въ учителя онъ, круглый бѣднякъ, попалъ случайно. Въ университетѣ учиться было не на что, и онъ выбралъ историко-филологическій факультетъ только потому, что на немъ легче было добиться стипендіи. Университетскіе годы прошли у него вяло и сонно; нужно было, какъ и въ гимназій, зубрить и зубрить, чтобы только не лишиться стипендіи. Попавши въ учителя прямо изъ университета, онъ начинаетъ вяло и сонно отбывать свою повинность преподавателя исторіи, задавая и спрашивая уроки по учебнику... Къ счастью его, въ близкой ему средѣ находятся люди, умѣющіе пробудить въ немъ дремавшіе задатки лучшаго. Въ октябрьской книжкѣ *Мира Божія* повѣсть достигаетъ поворотнаго пункта. Любовь къ подругѣ дѣтства, вдумчивой и образованной дѣвушкѣ, и затѣмъ одинъ случай въ гимназической практикѣ, когда чуть было не исключили мальчика, сказавшаго дерзость вашему учителю—все это производятъ въ немъ поворотъ къ лучшему. И вѣроятно, читатель разстанется съ героемъ Потапенка въ увѣренности, что „человѣкомъ въ футлярѣ“ онъ уже не станетъ. Въ этомъ, очевидно, и состоитъ „побѣда“, какъ озаглавлена повѣсть. Что-жъ, въ добрый часъ! Можно только пожелать, чтобы бодрый оптимизмъ г. Потапенка чаще находилъ себѣ оправданіе въ жизни.

Такъ какъ оригинальная беллетристика въ послѣднихъ книжкахъ журналовъ, какія у насъ подъ руками, представляетъ мало интереснаго, то мы остановимся въ сегодняшнемъ фельетонѣ на историко-литературной статьѣ, помѣщенной въ журналѣ *Вѣстникъ всемірной исторіи* и посвященной А. И. Герцену. Въ ней г. В. Батуринскій воспроизводитъ изъ забытыхъ статей А. И. Герцена любопытныя данныя для біографій художника Иванова (создателя картины „Явленіе Христа міру“) и актера М. С. Щепкина, перваго представителя реалистической школы на русской сценѣ. Намъ интересуютъ, однако, не эти біографическія свѣдѣнія, а любопытныя сужденія Герцена объ искусствѣ и его

1...1

Ч. Ветринскій